

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Двухсотлетняя годовщина со дня рождения Н. В. Гоголя вызвала огромный интерес не только у литературоведов, хотя именно их интерес стал в этом отношении преобладающим. Гоголь стал достоянием мировой литературы постепенно, скорее посредством других русских писателей, появившихся в европейской и мировой читательской среде раньше, – как, например, его младший коллега И. С. Тургенев – неоценимый пропагандист русской литературы за пределами России, а именно в Западной Европе и, опосредованно, в США – или гораздо позже Ф. М. Достоевский, ставший всемирным открытием чуть позже как представитель «реализма в высшем смысле слова», т. е. и поэтики модернизма. В процессе восприятия любой литературы на первый план выходят современники, и только потом все оглядываются назад в поисках их источников. Таким был и Н. В. Гоголь, символически считавшийся, с одной стороны, первым русским реалистом, а с другой – пионером первых модернистских и даже постмодернистских попыток. Постепенное обнаружение скрытых, глубинных тайн писателя происходит, на самом деле, в XX веке и в связи с писательской практикой. Недаром одним из выдающихся первооткрывателей Гоголя в современном смысле слова стал Владимир Набоков; но при этом еще раньше были русские символисты начала прошлого века, в том числе А. Белый, который не раз возвращался к автору *Мертвых душ*, и самым выразительным образом – в год сотой годовщины со дня рождения писателя в 1909 г. и потом в *Мастерстве Гоголя* (1934), над которым он работал с начала 30-х годов XX века. Многие, однако, можно найти и у современников Гоголя, в литературной критике его времени, которая была ближе самому автору и его вдохновителям. Гоголь, как и другие, не только «стоял на плечах гигантов», т. е. великанов мировой литературы и зачинателей зрелого периода повествовательных жанров, включая и роман: его первоисточниками были и его малороссийские (украинские) коллеги-писатели и, в качестве скрытого вдохновителя, известный польско-русский прозаик, редактор и издатель с сомнительной репутацией и сложной жизненной историей Фаддей Венедиктович Булгарин со своим *Иваном Выжигиным*.

По прошествии лет Гоголь стал не столько конкретным автором конкретных произведений, сколько символом, даже мифом русской литера-

туры, в том числе и в связи с гротескно-абсурдными веяниями в мировой литературе, с экзистенциальной литературой и прозой потока сознания. Следовательно, когда выявились поэтологические связи Гоголя с литературным прошлым и стало ясно, что одним только реализмом его творчество не объяснишь, то показалось неизбежным вернуться к истокам и показать Гоголя снова в связи с конкретным материалом его произведений, посмотреть на него как на «простого смертного», исходившего из текущей литературы своего времени, читать и перечитывать повседневно Гоголя, Гоголя будней. С этой точки зрения, несмотря на всеобщее восхищение в России заново опубликованными работами западных русистов, нельзя игнорировать гоголеведение советской эпохи. Даже, может быть, конфронтация Гоголя с опытом русской советской литературы и с окружающей действительностью (что некоторым может представиться даже неприличным) привела к новым открытиям или, скорее, к новым вопросам, новым точкам зрения, к новому освещению его поэтики, к неожиданным взглядам и поразительным концепциям. Кроме того, как мы старались показать, наблюдаются противоречия, которые могут казаться и мнимыми, между западноевропейскими, американскими и русскими взглядами на писателя, хотя они в последнее время в определенном смысле стираются.

* * *

Когда историки литературы говорят «Гоголь» – они, прежде всего, говорят о писателе, ставшем зачинателем нового этапа русской литературы, об авторе настолько специфическом и знаменательном, что его значение для русской литературы можно сравнить только с А. С. Пушкиным. Гоголь часто шокировал своих современников, так что некоторые его произведения, например, «Ревизор» или «Нос», были просто ими непоняты.

Его современники не сумели оценить его искусство в полной мере. Даже В. Г. Белинский не смог полностью проникнуть в суть гоголевского миропонимания: он пытался толковать произведения Гоголя на основе своих представлений и убеждений, так что отчасти искал и находил только то, что хотел найти. Полное признание гоголевского новаторства пришло чуть позже. По достоинству понял и оценил Гоголя Ф. М. Достоевский, и по-настоящему восприняли его творчество, прежде всего, деятели культурной жизни России конца 19-ого – начала 20-ого веков.

Что именно вдохновляло в это время тех, кто обратились к Гоголю? Это были, в первую очередь, гротеск, алогичность, абсурд, иррациональность, которые в творчестве Гоголя переплетаются с чем-то близким рацио-

нальности, подобным ей, но, все-таки, отходящим от нее. Гоголевская модель мира, или же мир такой, каким его видит Гоголь, прочно уходит своими основами в некие первичные принципы, которые, кажется, «срабатывают», но как только принимаешь их за нечто незыблительное, за опорную точку, на которую можно положиться, оказывается, что их «правда», их прочность уже где-то «там» – она неуловима, хрупка, ее трудно найти.

Именно на это обманчивое впечатление прочности того, что нам говорит рационально мыслящая часть нашего «я», Гоголь обращает свое внимание и ставит это под сомнение, провоцируя, таким образом, наше видение реального; он сообщает нам, что мир «иной», может быть, реальнее как раз тем, что сомнительна именно «прагматическая реальность» рационального бытия. Гоголевский ревизор действительно приезжает, но он сначала «другой»; его же Башмачкин является сначала реальным, даже «типичным» мелким чиновником, однако позже он становится фантомом. Так же в двух пластах смотрит писатель на ростовщика в рассказе «Портрет» – и свидетельств такого «распластания» литературных персонажей много. Нечего удивляться, что двойничество становится фактором, при помощи которого Гоголь шокирует не только в рассказе «Нос» – эту бинарность можно найти в таком количестве его произведений, что было бы логичным считать ее одним из основополагающих элементов той «модели мира», которую Гоголь вносит в мир искусства.

Именно двуплановость (ведь в гротеске и гротескном видении мира его основа трансформируется, но она в трансформированном виде всеобъемлюща, и внимание читателя все время считается с ней, пользуясь ею в качестве основы для понимания этой второй, гротескной «реальности») к концу 19-ого века стала тем, что так влекло к Гоголю многих авторов. Следы гоголевской модели мира можно найти у Достоевского (для обоих, может быть, важную роль в их двуплановом видении мира сыграла, в том числе, и вера в Бога – их мышление все время конфронтирует «здесь» и «там», «временное» и «вечное», «человеческое» и «божье»). Сама реальность мира и способность человека познавать, понимать и отображать реальность ставятся в это время под сомнение. «Двуплановый мир» становится интуитивно исходным пунктом для изображения человека в мире и мира в человеке, сомнение в способности рационально познавать стало сопровождающим фактором, меняющим творческий метод в искусстве. Двуплановость характерна для младших и старших символистов, двуплановый мир осваивают «декаденты», чувствующие, что то, что есть, их не удовлетворяет, а то, что удовлетворяло бы их, только конструкт, не реальность.

Чувство напряжения, полидимензиональности, некоторое «расфокусирование» рационального, хотя оно остается рациональным, чувство опас-

ности, чувство некоей многослойной действительности являются в этот период именно тем, что влечет к Гоголю (как, по-моему, будет привлекать и в будущем) – именно этим Гоголь «современен» в разные времена. Внутренний динамизм, вытекающий из противоречивости явлений, трансформируется в противоречивость психическую – обе они взаимосвязаны, немислимы друг без друга (в случае, что мир действительно основывается на чем-то логически упорядоченном, внутренне одно- или двузначном). Итак – гоголевский способ видения мира, его модель мира вдохновляет и Белого, и Андреева, и Ремизова, и Зошенко, и Хармса, и многих других.

Кажется, именно это в творчестве Гоголя вдохновляет русских, и не только, писателей в течение всего 20-ого века. Отношение между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом как будто пульсирует, они взаимосвязаны; субъект – будь это гоголевский рассказчик или персонажи его произведений – все время чувствует объективность всего окружающего, но одновременно постоянно находит свою раздвоенную внутреннюю позицию по отношению к этому окружающему – при помощи разума, но – и прежде всего – при помощи интуиции, эмоций, фантазии, чаяний и страха, чутья чего-то большего, не-понятного. Неопределенность и вытекающее из нее экзистенциальное чувство постоянной угрозы, нависшей над одиночкой, возможность «счастья», спокойствия только на мгновение тесно связывают Гоголя и с Ф. Кафкой, и с русской, и мировой литературой второй половины 20-ого века. Именно экзистенциальное чувство опасности, входящее в гоголевскую модель «мира в человеке и человека в мире», будет и в будущем обращать внимание новых поколений писателей и читателей к Гоголю.

* * *

Исследование поэтики, литературных видов и направлений относится к доминантному поприщу брненской славистики в общем и русистики в особенности, теперь – в организационных рамках Института славистики. Известны уже традиционные симпозиумы и конференции, проводившиеся здесь начиная с 70-х годов XX века в связи с исследованиями литературы и русской революции, по компаративистике, посвященные Франку Вольману, корифею чехословацкого сравнительного литературоведения; в связи с изучением творчества профессора Философского факультета Университета им. Масарика Романа Якобсона; с исследованием личности и творческого наследия Александра Николаевича Веселовского – учителя известного филолога, связанного со Словенией и Балканами, с Австрией, Германией

и Чехословакией, Матия Мурко – и в связи со многими его учениками – чешскими компаративистами первой половины прошлого столетия. Следовательно, тема гоголевской поэтики в широких масштабах является естественной и в связи с методологией брненской славистики, которая, разумеется, расширяет свой исследовательский диапазон в направлении ареальных исследований, культурологии, литературоведческой антропологии, герменевтики и всеобщей (генеральной) компаративистики и жанрологии; появляются и раздумья о новых путях филологии как таковой после долгой разлуки или почти изоляции друг от друга лингвистики и литературоведения. Шаги навстречу делаются не только в литературоведении в смысле новых подходов стилистики, но и в смысле культуроведческого языкознания, которое перешагнуло границы предложения и даже текста и продвигается к стыку литературы, философии, эстетики и теории искусств, в том числе и художественной литературы. Многое из этого отражено в отдельных статьях настоящего тома исследований, в создании которого, к нашей большой радости, приняли участие крупные ученые из многих стран – гоголеведы, эстетики, литературоведы, поэтологи и другие. Сборник является свидетельством, что и литературоведы находят в гоголевских произведениях все новые импульсы для своей работы и открывают связи между Гоголем и другими литераторами и литераторами.

*Иво Постшиил
Йозеф Догнал
редакторы*

